

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ (1748-1832)

Jeremy Bentham родился в семье состоятельного юриста, который, впрочем, заработал своё состояние не юридической практикой, а спекуляцией земельными участками. Папаша его считал, что в жизни надо уметь работать локтями ("pushing was the one thing needful in life"), и очень огорчался, что его смышлёный сын не желает следовать этому принципу. Но именно его отец многое сделал для того, чтобы дать ему хорошее образование. Четырёхлетним ребёнком Джереми начал изучать латинский язык, а в пять лет получил прозвище "философ". В шестилетнем возрасте он взялся за французский, а будучи школьником, читал серьёзные книги и не разделял детских забав своих сверстников. В 1760-ом году он поступил в Оксфордский университет и к 16-ти годам был уже бакалавром, а ещё три года спустя – магистром. Профессия адвоката ему не очень нравилась, но он с удовольствием занимался теоретической юриспруденцией, этикой и политической философией.

Свой главный труд "Введение в основания нравственности и законодательства" (*Introduction to the principles of morals and legislation*) он написал, когда ему не было ещё и тридцати лет, но опубликовал только в 1789-ом году.

В этой книге наиболее ясно и полно сформулированы принципы философии пользы (utilitarianism) – философии, которая мне очень близка и понятна.

Целью общественного развития Бентам считал "наибольшее счастье наибольшего числа людей" – "the greatest happiness of the greatest number" (в отличие от утопистов, он даже и не ставил задачу осчастливить всех своих сограждан или всё человечество).

Во второй половине жизни Бентам всё больше склонялся к "радикализму", который мне, в принципе, не по душе, но то, что казалось радикализмом в начале XIX века, с позиций сегодняшнего дня выглядит лишь необходимыми реформами, которые, кстати, и были постепенно осуществлены уже после смерти Бентама.

Бентам много внимания уделял теории наказаний и практике исправительных учреждений. Любое наказание – это зло, считал он, но зло необходимое: для того, чтобы избежать ещё большего зла.

Человеку с индуктивным складом мышления читать Бентама ужасно трудно. Я предпочитаю 100 конкретных примеров, чем 10 общих фраз, а книги Бентама все состоят из общих фраз и умозрительных классификаций.

"ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВАНИЯ ПРАВСТВЕННОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА"

Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей: страдания и удовольствия. На словах человек может претендовать на отрицание их могущества, но в действительности он всегда останется подчинён им. Принцип полезности признаёт это подчинение и берёт его в основание той системы, цель которой – возвести здание счастья с помощью разума и закона. Под полезностью понимается свойство предмета приносить выгоду, удовольствие, добро или счастье.

Что такое интерес общества? Это сумма интересов отдельных членов, составляющих его.

Последовательность – самое редкое из человеческих качеств.

Ср., однако, замечание Бентама о "партии аскетов", сделанное ниже: Они действовали более последовательно, но менее благоразумно. Ср. также высказывание Джона Стюарта Милля: Из всех философов наиболее последовательные наиболее часто доходили до нелепостей.

Некоторые удовольствия сопровождаются в конце концов страданиями, превышающими эти удовольствия. Гнуснейшее удовольствие, извлекаемое низким злодеем из своего преступления, необходимо сопровождается таким количеством страдания (или страха перед наказанием), что в сравнении с ним удовольствие превращается в ничто.

Надежда есть ожидание удовольствия. Страх есть ожидание страдания. Страх перед неизвестным будущим могущественнее, чем надежда.

Люди, которые постоянно ссылаются на "здравый смысл" как чувство, присущее всему человечеству, часто жалуются на людей, у которых "здравый смысл" не такой, как у них самих.

Нет такого ничтожного несогласия во мнениях, которое при упрямстве и споре не могло бы сделаться серьёзным.

Антипатия никогда не может быть хорошим основанием для действия.

Король английский Иаков I (James I) написал свирепую книгу против употребления табака и казнил Уолтера Ралея, который распространил этот обычай среди англичан (правда, за другое преступление).

Единственное правильное основание для действия есть соображение полезности.

Всё различие между политикой и моралью заключается в том, что одна руководит действиями правительств, а другая – поступками отдельных лиц, но цель их одна и та же: счастье. То, что политически хорошо, не должно быть нравственно дурно, если только арифметические правила, верные для больших чисел, должны быть верны и для маленьких.

То, что делает человека злым, – это привычка к удовольствиям, вредным для других людей.

Не думаю, однако, что все курильщики – злые люди...

Не следует сваливать на *принцип* тех ошибок, которые ему противоречат: если человек плохо считает, то в этом виноват он сам, а не арифметика.

Sic praesentibus utaris voluptatibus ut futuris non noceas = Пользуйся настоящими удовольствиями так, чтобы не вредить будущим.

Чувство долга есть чувство интереса высшего разряда, который берёт верх над интересом подчинённым.

Если вы захотите отвергнуть принцип полезности, потому что его можно дурно прилагать, то чем вы его замените? Какое вы найдёте правило, которым нельзя было бы злоупотребить? Куда призовёте вы все секты, все мнения, все противоречия, если не к трибуналу общего интереса?

Счастье отдельных лиц, из которых слагается общество, – это единственная цель, которую должен иметь в виду законодатель.

Силы природы могут действовать сами по себе, но ни общественные власти, ни люди вообще, ни Бог не могут действовать иначе, как через силы природы.

Если совершено преступление, то вред его заключается в стремлении лишить других людей удовольствий или причинить им страдания, а это и является основанием к наказанию.

В одном и том же человеке одни причины произведут больше удовольствия или страдания, чем другие, и эта пропорция будет у разных людей различна. Один человек даже при дурном состоянии здоровья может быть сильнее, чем другой – при хорошем.

Физическая сила – это дар природы, а сила характера – приобретается воспитанием.

Идеи могут оказывать влияние на счастье человека. Когда этих идей много и они имеют существенное значение, о человеке говорят, что это человек просвещённый.

NB Добрый человек может извлекать удовольствие из счастья других чувствующих существ, а злой – получает удовольствие от их несчастья.

При мудром правительстве обыкновенный учитель есть доверенное лицо правительства. Потому что влияние учителя живёт с человеком до самого конца его жизни.

К сожалению, законодатель редко имеет дело с приятными причинами. Законодатель должен предупреждать зловредные действия и наказывать за них.

Одно и то же наказание может оказаться гораздо более суровым для одних людей, чем для других.

Один и тот же закон на словах не есть один и тот же закон на деле. Если бы мы вздумали подчинить брак в Европе и в Азии одним и тем же законам, то мы уменьшили бы счастье всех заинтересованных сторон.

Одинаковые наказания для одинаковых преступлений – этот принцип имеет вид справедливости и беспристрастия, но закон, который не обращал бы внимания ни на пол, ни на возраст, ни на воспитание, ни на общественное положение людей, такой закон был бы ошибочен как закон тиранический.

Когда человек очень богатый и человек среднего достатка приговариваются к одному и тому же денежному штрафу, будет ли наказание одно и то же? Верный природе народ, который не занимается теоретическими рассуждениями, всегда почувствует "внутренний ропот души" при виде несправедливости; и его негодование перейдёт от преступника на судью, от судьи – на законодателя.

Дело правительства состоит в том, чтобы содействовать счастью общества посредством наказаний и наград. Общая тенденция известного действия может быть более или менее полезна или вредна, смотря по разности между суммой хороших и дурных последствий этого действия. При этом серьёзного рассмотрения заслуживают только материальные последствия этого действия.

Хорошее или дурное свойство намерений человека зависит от их мотивов и последствий, а хорошее или дурное свойство последствий зависит от обстоятельств. Намерение может быть дурно, а последствия хороши, и наоборот.

В своём стремлении одобрять и порицать известное поведение, люди не всегда руководствуются принципом полезности.

Поднимать небольшой вред на уровень большого зла – значит уменьшать то отвращение, которое преступление должно вызывать у законопослушных граждан.

При обычном ходе вещей нельзя предполагать в действиях человека дурных намерений. Тот, кто торгует лекарствами, скорее всего, имеет намерение продать лекарство, хотя случайно может продать и яд.

Каждый человек, сознавая, что его собственные мотивы часто бывают не из самых лучших, старается приписать поведению всякого другого человека наихудший из возможных мотивов.

Язык народа может служить ключом к его нравственным чувствам. Например, отсутствие в языке общепринятых нейтральных названий для сексуальных или денежных мотивов многое говорит о характере народа.

! В некоторых странах преследования за убеждения ещё не пришли к своему концу: если в них нет действительных преследований, то только потому, что там нет еретиков, а если там нет еретиков, то только потому что там нет мыслящих людей.

NB Фанатизм никогда не спит; он никогда не может насытиться; его не останавливает человеколюбие, потому что подавлять человеколюбие он считает своим долгом; его не останавливает совесть, потому что он заставляет её служить себе оправданием. Скупость, сладострастие, мщение могут иметь против себя сострадание, стыд, честь; фанатизм не имеет против себя ничего. Фанатики называют еретиками тех, кто думает или, может быть, только выражается иначе о предметах, непонятных для обеих сторон.

Почему вымогательство со стороны полицейского чиновника вызывает меньшее возмущение, чем действия разбойника с большой дороги? Потому что самый решительный вымогатель на общественной должности имеет некоторую узду, сдержку. А разбойник угрожает всем и всегда, и общественным мнением нисколько не стесняется.

Законы чести требуют щадить того, кто не способен сопротивляться. Притеснение слабого – первое свидетельство опасного характера. Сюда же относятся отягчение и без того бедственного положения человека, неуважение к власти, ничем не оправданная жестокость, обман доверия и др.

NB Истина есть одна из первых потребностей человека. В каждую минуту своей жизни мы должны направлять наше поведение, основываясь на знании фактов, которые не могут подлежать нашему собственному наблюдению. Если к этим фактам примешивается обман, наши действия становятся ошибочными. Обман заключает в себе начало всякого зла, потому что, при широком распространении, он привёл бы к разрушению государства и человеческого общества.

В некоторых странах свидетели подвергаются большей опасности, чем преступники. В этих странах добродетельный гражданин, сделавшийся жертвой своей честности, вызывает не восхищение, а жалость: его великодушие считается безумством.

Общая цель, которую должны иметь все законы, – увеличивать счастье общества и исключать, насколько возможно, всё, что стремится уменьшить это счастье.

Всякая нация может иметь свои предрассудки и капризы, которые законодатель должен изучать и излечивать.

Когда народ доволен законом, он охотно содействует его исполнению.

Преступлением *может быть* всякий акт, который пожелают сделать таковым власть предержащие. Преступлением *должен быть* только такой акт, который вредит благу общества.

Бентам: Я рассматриваю религию исключительно в свете её влияния на счастье в жизни *настоящей*. Что касается её значения для подготовки нас к жизни *будущей*, то это предмет, который не входит в компетенцию законодателя.

В чистом виде обман не является преступлением. Но когда он соединяется с другими обстоятельствами, то едва ли есть какой-нибудь вредный результат, которому он не мог бы способствовать.

Положение человека в жизни устанавливается *обязанностями*, которые порождают права.

Положение слуги может показаться тягостью, но если прибыль от этого положения значительна, то оно может быть более желательным, чем положение человека, не находящегося под властью какого-нибудь господина.

Сущая правда! Для большинства людей сытое рабство лучше голодной свободы!

Для измерения количества теплоты в теле используется термометр. Для измерения количества ума, которое достаточно для целей самоуправления, нет никаких инструментов. Предполагается, что дети до определённого возраста и идиоты таким необходимым количеством ума не обладают.

Современные (2017) специалисты по маркетингу давно поняли все выгоды воспитания из людей идиотов или взрослых с детской психологией. И те, и другие не умеют управлять своими желаниями, а потому купят и то, что им заведомо не нужно.

Грубость, предательство, неблагодарность – попытка подвести эти не слишком определённые акты под контроль закона свидетельствует о незрелости общества.

Наказание бывает слишком дорого (когда зло наказания превышает зло преступления). Никакие самые строгие наказания не смогут искоренить, например, пьянство или супружескую измену.

Применительно к России я упомянул бы взяточничество. Его можно будет искоренить только тогда, когда честная служба будет выгоднее, чем мздоимство.

Бывает очень мало случаев, когда было бы полезно наказывать человека за вред, причинённый им самому себе. Но бывает также очень мало случаев, когда не было бы полезно наказывать человека за вред, причинённый им ближнему.

Частная этика научает, каким образом каждый человек может располагать собой, чтобы прийти к счастью. Искусство законодательства научает, каким образом масса людей может прийти к счастью целого общества.

Чтобы законы всех наций совпадали во всех пунктах, это невозможно, да и нежелательно. Но есть несколько основных пунктов, относительно которых законы всех цивилизованных наций могли бы быть одни и те же.

В знаменитой "Декларации независимости", принятой Конгрессом США 5-ого июля 1776-ого года, говорится следующее: "Мы считаем совершенно очевидными те истины, что все люди созданы равными; что они одарены Создателем известными неотъемлемыми правами; что к числу этих прав принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью".

Не все люди созданы равными. Всегда один человек будет в чём-то превосходить другого. Основы этой несправедливости закладываются уже на биологическом уровне. Во-вторых, Создатель имеет мало отношения к законам, которые устанавливаются людьми – государями, парламентами, правительствами. В-третьих, при наличии войн и смертной казни, о каком праве на жизнь может идти речь? При наличии рабства или материального подчинения – о какой свободе может идти речь? Ну а что касается стремления к счастью, то здесь вообще нет никаких универсальных законов. Для одного сытое рабство будет лучше, чем голодная свобода; для другого – смерть в борьбе за свободу будет лучше сытого рабства; третий не сможет считать себя политически свободным, пока не добьётся экономической независимости, а четвёртый не будет считать себя счастливым, пока не согрешит с соседской женой... Таким образом, применительно к обществу, речь может идти только о создании примерно равных условий для достижения успеха, а как конкретный человек будет использовать эти условия – зависит от тысячи других причин.

По мнению Бентама, общество должно быть построено таким образом, чтобы долг индивидуума перед обществом и стремление к личной выгоде не вступали в конфликт.

Каждый человек стремится к своей собственной выгоде. Поэтому более справедливым и процветающим будет то государство, в котором это естественное стремление людей заботиться о своём благе приносит пользу всему обществу. Пример – освобождать от налогов средства, пожертвованные частными лицами на развитие образования и здравоохранения. Допустим, некто заработал двенадцать миллионов. Предположим, налог с прибыли до 10 миллионов – 50%, то есть из 10 миллионов пять надо отдать и остаётся только 5, а налог с прибыли большей, чем 10 миллионов, составляет 75%, то есть из 12 миллионов 9 надо отдать и остаётся только три. Если предприниматель подарит какому-нибудь университету 2 миллиона, которые налогом не облагаются, то он заплатит налог не с 12, а с 10 миллионов прибыли и выиграет таким образом 2 миллиона. Делать добро должно быть выгодно! Иначе это занятие станет уделом только одиночек-идеалистов...

* * *

О соотношении требований законодательства и требований частной этики см. работу Бентама "Фрагмент о правительстве".

Взгляды Бентама на образование и просвещение изложены в его книге "Хрестоматия" (на русский язык эта книга не переводилась). *Chrestomathia* (Oxford : Clarendon Press, 1983) – книга умная, но невыносимо скучная и читается ужасно трудно: во-первых, потому что она написана в форме отрывочных комментариев к справочным таблицам; во-вторых, потому что изложение построено чисто дедуктивно: от общих категорий – к частным, конкретным примерам мало; в-третьих, запутанный синтаксис автора – со множеством вводных слов и конструкций, попутных замечаний,

неуклюжих неологизмов и т. д. – делает чтение этой книги трудным даже для самых терпеливых читателей.

В молодые годы Бентам отличался умением довольно ясно излагать свои мысли, но с годами его стиль становится всё более тяжеловесным, и если бы не титанический труд его редакторов, которым часто приходилось чуть ли не заново переписывать многие абзацы, а то и целые главы из его произведений, его замечательные идеи не приобрели бы той большой популярности, которой они пользовались в XIX веке и, отчасти, пользуются до сих пор... Две трети книги составляет приложение, в котором дана детальная, но к настоящему времени устаревшая классификация наук и учебных предметов.

"Хрестоматия" (1817) была написана для обоснования учебного плана новой школы (Chrestomathic school), которую Бентам и его друзья собирались открыть. Уже были собраны необходимые средства и Бентам даже отвёл участок под строительную площадку в саду своего дома в центре Лондона, но из-за упрямства "отшельника из Queen's Square Place", который не желал поступиться никакими деталями учебного плана, открыть новую школу так и не удалось. В основе преподавания в этой школе должна была лежать методика Джозефа Ланкастера (1778-1838) и Эндрю Белла (1753-1832). Joseph Lancaster и Andrew Bell разработали систему взаимообучения (monitorial system): учителя работали с сильными учениками, а те, в свою очередь, обучали слабых учащихся и школьников младших классов. Предлагаемая Бентамом программа была явно перегружена материалом, потому что Бентам хотел, чтобы каждый ученик нашёл в школьной программе что-то интересное.¹ Религия, литература и искусство, как, впрочем, и физкультура, были полностью исключены из учебного плана. Предвидя недовольство церковников исключением религии из учебной программы, Бентам оправдывался тем, что в его школе ученики будут проводить только 6 часов в сутки из 24, и у них будет достаточно времени для изучения Закона Божьего во внеурочное время.

Большинство теоретиков в области образования начинают свои книги с вопросов чему учиться и как учиться. Бентам начинает с вопроса зачем учиться. По мнению Бентама, люди должны учиться, чтобы приобрести уважение в глазах окружающих, не страдать от безделья и лени и быть вхожими в приличное общество (good company). Многие родители, – говорил Бентам, – отправляют своих детей в школу не с целью дать им знания, а с целью их чем-нибудь занять, чтобы они не хулиганили и не томились от безделья. Выбирая учебные предметы, Бентам исходил из их практической полезности для будущей работы, развития интеллекта и душевного равновесия (internal tranquillity).

Я думаю, что теоретически – можно обосновать полезность любого знания, изучение абстрактной живописи, например, привело к созданию системы дорожных знаков и всем понятных указателей.

В школе Бентама в первую очередь должны были изучаться самые полезные предметы (например, физика и химия), а в последнюю – менее полезные (например, древние языки). Изучение литературы, истории, чтение биографий выдающихся людей и т. д. должно было осуществляться во внеурочное время и в течение всей жизни после окончания школы.

¹ "The greater the multitude and variety of the sources of entertainment opened to his view, the greater is the person's chance of finding those which are suited to his taste", – писал он.

Тут и там в книге разбросаны интересные и спорные мысли, например: "for the most part those branches which are the most useful will be found the easiest and the pleasantest" (с.32) или "interest ... particularly in a juvenile mind is attached to novelty" (с.102) и т. п., однако, в целом, "Хрестоматия" может быть интересна только для специалиста по истории образования, а не для обычного современного читателя.

Что касается школьной организации и администрации, то Бентам планировал осуществить в своей школе свою идею "паноптикума". Panopticon – это круглое здание тюрьмы с помещением для охраны и надсмотрщиков в центре и с клетками вдоль стен, так что, оставаясь невидимыми для обитателей клеток, охранники могут держать их всех под наблюдением. Можно себе представить, какой вой среди интеллигентов, озабоченных правами убийц и насильников, вызвал этот проект! Особенно потому, что он казался Бентаму полезным и для школьного здания.

Критики этого проекта обычно выбрасывают вместе с водой и ребёнка: ведь при системе взаимобучения такое здание обеспечивало максимальный контроль со стороны учителей и администрации за тем, что происходит в классах, где старшеклассники должны были обучать младших школьников. Телекамер в каждом помещении тогда ещё не было, а контроль был необходим: при отсутствии жёсткого контроля, подростки способны на любую мерзость... Демократия хороша в университете, где вы имеете дело со взрослыми и образованными людьми...

"Кто будет воспитываться в такой школе?! – возмущались критики. – Бездумные машины? Оторванные от реальной жизни монахи? Бентам отвечал вопросом на вопрос: "Будет ли счастье увеличено или уменьшено в результате такой дисциплины?.. Вы можете называть моих учеников "монахами" или "машинами", но если это счастливые "монахи" и "машины", то мне всё равно, как вы их называете!" Бентам всегда настаивал на активном вмешательстве государства в сферу образования и на необходимости обязательного обучения детей из низших классов общества: чем меньше безответственные родители заботятся о своих детях, – писал Бентам, – тем больше необходимо вмешательство государства в процесс воспитания и образования этих детей.

Идеи Бентама в области образования получили радикальнейшее воплощение в Советском Союзе, через сто лет после смерти автора. Советская школа сталинских времён – со строжайшей дисциплиной и тотальным контролем за каждым учащимся, с обширным учебным планом, в котором основной упор делался на естественные науки и практически полезные предметы, с жёсткой программой, единой для всех школ в любой точке страны, со строгим контролем за просвещением со стороны государства – была реальным воплощением того, о чём Бентам мог только мечтать. Советские школы, правда, не строились в виде "паноптикумов", но по этой модели строились сталинские лагеря для политзаключённых: в центре – административное здание с пулемётами на вышке, а вокруг – бараки для обитателей лагеря, в котором счастливые заключённые прославляли своих мудрых надзирателей. Впрочем, было бы глупо обвинять Бентама в грехах советских коммунистов: он ведь не предлагал распространить строгие методы воспитания неразумных подростков на всё взрослое население страны... Конечной целью образования является Счастье, – писал он...
